

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ПИЯВКА

Пьеса в одном действии из цикла «Кренделя».

г. Екатеринбург

2002 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЕВГЕНИЙ
СЕРГЕЙ

Берег лесного озера, начало «бабьего лета», сентябрь.

Начало «бабьего лета». Тепло. Солнце. Крутой берег лесного озера. Кусты тальника вошли глубоко в воду. В воде - зелёная тина, пустые пластмассовые и стеклянные бутылки, бумага. На берегу большие серые камни. Вокруг озёра - высокие сосны. К берегу от электрички идут двое. Сергею – двадцать лет, Евгению – сорок, но выглядит он совсем как старик. Оба тащат с собой большие сумки и этюдники, ремни через плечо. Электричка прогудела, уехала, увезла грибников и ягодников дальше. Сергей и Евгений спустились к берегу, осмотрелись. Хорошо! Тепло и тихо. Осень.

СЕРГЕЙ. Ну, тут, нет? Ну, нет, тут? Ну, тут, ну?

ЕВГЕНИЙ. Какая разница. Тут.

Поставили этюдники на землю. Евгений кашляет, стучит себя кулаком по груди, отгоняет от лица ладонью комаров.

СЕРГЕЙ. Жека, чего кашляешь кошмарно так?

ЕВГЕНИЙ. Чахоточная корова потому что.

СЕРГЕЙ. Худой, кашляет - не ешь, нет? Проверься, может, у тебя тубик?

Смеётся, сел на камень, снимает обувь, носки.

ЕВГЕНИЙ. Сам ты тубик ...

СЕРГЕЙ. А вот так и бывает. Пошёл, проверился – и тубик. А туберкулёз заразен, а ты в электричке ехал, а там дети ... Тут?

ЕВГЕНИЙ *(тоже сел на камень)*. Да подь ты, занудил. Курю много. Надо завязывать. Привыкать надо к одному сорту табака, а я его всё меняю – что есть, то курю, вот и бухыкаю.

СЕРГЕЙ. Да папиросы-то хоть не кури. Ну, тут?

ЕВГЕНИЙ. Да всё уже, разбили бивак, тут, тут. Вроде, тут почище вода, не так грязно, и до электрички – рядом. *(Помолчал, снова кашляет.)* В прошлый раз я тут был, вроде. Один ездил. Ветра тут нет, тут затишок ...

СЕРГЕЙ. Затишок ... *(Смеётся)*. Ну ты и крендель ... Ты прям как русский народный старичок-лесовичок ...

Кашляет, передразнивает Евгения, корчит ему рожи, стучит себя по груди кулаком. Разулся, ходит по траве босиком, ойкает.

Уя, мама, класс! Босиком сто лет не разжигал! Нормалды! Щекочет! Костёр ты палил?

ЕВГЕНИЙ. Не, тут до фига народу в выходные, купаются. Сегодня хоть нету. Тут нам никто не помешает ...

Сергей бежит по траве, смеётся. Встал на камень у воды, закинул руки за голову, смотрит на озеро, потом в лес, улыбается.

СЕРГЕЙ. Отпад! Называется – «Над вечным покоем» ... Как хорошо, Боже ж ты мой ...

Молчат. В лесу поют птицы.

ЕВГЕНИЙ *(смотрит на озеро)*. Должно быть, в этом озере много рыбы ...

СЕРГЕЙ. Ага. И крокодилов пара. Всё загадили, всё передохло ...

ЕВГЕНИЙ. Это Чехов, «Чайка».

СЕРГЕЙ. Да-а? Ты грамотный, как инженер. А я вот всё собираюсь прочитать. *(Смеётся)*.

ЕВГЕНИЙ. Будешь загорать?

СЕРГЕЙ. Да плевать, Жека! Я, Жека, купаться буду в этой грязюке! Плевать!

Сергей быстро стянул с себя рубашку, брюки, размахивает ими в воздухе, хохочет, прыгает то на одной, то на другой ноге. Без одежды, в плавках, он оказался весёлым и сильным, стройным и хорошо сложенным молодым мужчиной. Смеётся, радуется.

Евгений лёг на землю, сорвал травинку, сунул в рот, покусывает, смотрит на Сергея. Снова кашляет. Достал папиросы, закурил.

ЕВГЕНИЙ. Холодно.

СЕРГЕЙ. Нормалды, холодно! Мы закалённые! Тепло! Ура-а-а! Чё, будешь зад зеленить? Вставай, искупнёмся, давай?

ЕВГЕНИЙ. Не-ка. Я сразу дуба дам. Работать начну. Плавки у тебя красивые. Синий горошек по белому полю ... Это у молодёжи модно, ага? *(Кашляет.)*

СЕРГЕЙ *(стоит на камне, смотрит на озеро, смеётся).* Это у молодёжи модно, ага! Люблю мужское бельё! У меня дома трусиков, трусов, шортов, плавочек, маек и всего-всего – прям полшкафа, затоварился! Я от него возбуждаюсь! Меня колотить начинает, руки как с похмелья дрожат, как в магазине покупаю бельё! Прям колотун бьёт! Жене не доверяю покупать! *(Хохочет.)*

ЕВГЕНИЙ. Почему?

СЕРГЕЙ. Не знаю! Фрейд! Просто вот с ума схожу от трусиков, плавочек! Есть ещё такие, знаешь, с узенькой полоской на попке - это вообще пистон, отпад, финиш!

ЕВГЕНИЙ. Ну, если есть, кому показать, можно покупать бельё.

СЕРГЕЙ. У меня есть кому показать! У меня много кому есть показать! *(Хохочет.)*

ЕВГЕНИЙ. А мне по фиг. Трусы солдатские до колена и ладно. *(Пауза).* Меня возбуждает женское бельё.

СЕРГЕЙ *(хохочет).* Слава Богу, хоть не детское! Тебя? Да ладно заливать-то, фетиш! Ты же евнух, все знают!

ЕВГЕНИЙ. Ага, евнух. В магазине хочется прям кинуться в эти отделы белья женского, и плавать там, купаться, и всё потрогать, пощупать, помять в руках и всё время думать, кого будут прикрывать вот эти все цветные, вышитые, с кружевами и сеточкой ... *(Кашляет, смеётся).*

СЕРГЕЙ. Больной! Слушай, вообще, мужики говорят бессовестные вещи, когда остаются один на один. Я с тобой вот ещё постеснёвываюсь, ты старше, а так – кошмар, что мы говорим с моими, ну это, со сверстниками. Потом на этих баб, которых обсуждаем, смотреть стыдно. *(Хохочет.)*

ЕВГЕНИЙ. Ага, стыдно. Расскажу тебе одну байку в связи с этим. Ездили мы давным-давно на БАМ. Ну, это что-то советское такое, тебе не понять ...

СЕРГЕЙ. Я знаю! Приезжай ко мне на БАМ, я тебе на рельсах дам!

ЕВГЕНИЙ. Во-во. Ну так вот. Мы такие, знаешь, бойцы агитпоезда, люди искусства, искусственники, значит, ну вот - приехали, значит, рисовать тайгу-муйгу-пургу-туннель. Недели две, что ли, там были, чистое искусство в массы задвигали. И вот, раз один – помывка, баня, ну, самодельная такая, вагончик на два отделения – на баб и мужиков. А с нами ездили всякие артистки ещё – агитпоезд, короче. Певички там, балеринки, ксилофонистические такие,

короче. С балалайками. Ну вот, моемся мы, мужики, и моются за стенкой бабы эти. Стенка тоненькая. Слышно всё. А они - то ли от куражу, то ли просто забыли, что мы-то за стенкой подмываемся тоже, ну вот, и они стали про мужиков говорить. Если б ты слышал, что и как они говорили. Мы стоим под своими лейками-поливалками, удалились, так сказать, под сень струй, ну вот, замолкли прям от ужаса, трёмся вехотками, и слушаем. А они, бабы, моются, смеются и говорят, говорят, говорят такое, такое! Как грязные потные подлые шоферюги или я не знаю кто – вот так они говорили.

СЕРГЕЙ (*хохочет*). О тебе, что ли, конкретно и ты расстроился?

ЕВГЕНИЙ. Да нет, они вообще говорили – кто с кем спал, у кого какой, и прочую гадость про мужиков, что даже повторить невозможно. Потом мы вышли и я не мог им в глаза смотреть, этим бабам, правда. А мы же их хорошо знали, ну понятно дело, в поезде неделю туда, обратно столько же, там две недели, пили вместе, пежили их, и прочее, но сам факт мыслей, наличие мыслей, мыслей таких ...

СЕРГЕЙ. Евгений – стоп. Ты меня не сделаешь педиком, старый развратник, не уговаривай. Бабы – это всё. Ты будешь купаться, последний раз спрашиваю?

ЕВГЕНИЙ. Ты плаваешь?

СЕРГЕЙ. По-собачьи. Тут неглубоко? Тут в сапогах, поди, надо, а то ногу располосуешь стеклом, бутылкой или железякой какой.

ЕВГЕНИЙ. Не, дно чистое, песок. Только сверху грязь. Прошлый раз я заходил. Не надо. Тут опасно.

СЕРГЕЙ. Чего?

ЕВГЕНИЙ. Тут - пиявки.

СЕРГЕЙ (*прыгает на камне, машет руками*). Это что такое - «пиявки»? Первый раз слышу такое слово - пи-я-в-ки. Это что такое? Как правильно сказать: «Пиявки» или «пьявки»?

ЕВГЕНИЙ. Раньше говорили ещё: «пиавки». Это такая маленькая штучечка, ну, маленькая такая тварь, она в озёрах живёт и присасывается, пьёт чужую кровь.

СЕРГЕЙ. Да ладно, не воняй. У кого пьёт?

ЕВГЕНИЙ. Ну, у людей пьёт, у животных. Присасывается к ногам, к телу. Ну, не знаю, там, к чему она присасывается. Кто зайдёт в воду, она накидывается и присасывается. И пьёт. Напьётся и отвалится ... А ещё есть такая штука, называется «конский волос», тоже такая пиявка, как волос в воде плывет, извивается, и тоже присасывается ...

СЕРГЕЙ. Да ладно, ладно тебе меня пугать, мелет, гуимплен штопанный. Чё ты мне мультку американскую голливудскую задвигаешь ...

ЕВГЕНИЙ. Ну, не верь, мне-то ...

Долго кашляет. Стучит себя по груди кулаком.

Скоро сдохну ... После города свежий воздух – запрещено ...

СЕРГЕЙ. Ну вот, мля, я теперь боюсь. Напугал.

ЕВГЕНИЙ. Да ладно, шутка. Простынешь только. Хотя, горячая кровь. Купайся ...

СЕРГЕЙ. А сам говоришь – пиявки, конские волосы?

ЕВГЕНИЙ. Залегли они уже на зиму на спячку. Под корягу и - бай. *(Кашляет, смеется.)* Они же не у всех пьют кровь. А только у кого порченая. У тебя же чистая? Ну вот. Пиявками даже лечат.

СЕРГЕЙ. Кого?

ЕВГЕНИЙ. Старухи. Порченную кровь убирают из человека пиявками ... Такими чёрными. *(Смеётся.)* Да ладно ты, я пошутил. Не сси по ногам. *(Пауза.)* Слушай, у тебя потрясающее тело. Потрясающе сложен. Тебе говорит это твоя жена?

СЕРГЕЙ *(снова смеется).* Вот снова нормалды! Люблю, когда меня хвалят! Я самый талантливый, я самый красивый, я лучше всех на свете! *(Хохочет.)* Спасибо, Жека! Ты друган! Можешь поднять настроение!

Упал на траву рядом с Евгением, лежит, раскинув руки в стороны, ежится, хохочет от того, что трава щекочет.

ЕВГЕНИЙ. Говорит?

СЕРГЕЙ. Что?

ЕВГЕНИЙ. Твоя жена говорит тебе о том, что у тебя красивое тело?

СЕРГЕЙ. Моя жена о моём теле? Почему спрашиваешь, что говорит моя жена мне о моем теле?

ЕВГЕНИЙ. Просто. Ведь она - владеет твоим телом и у неё есть какие-то мысли по поводу своей собственности, нет?

СЕРГЕЙ. Моим телом, Жека, владею только я. Это - моё тело. Оно принадлежит мне и более никому.

ЕВГЕНИЙ. Ну, пусть. Говорит?

СЕРГЕЙ *(смеётся).* Сегодня ночью три раза говорила ... Нет, забыл - утром ещё раз. Чего ты докопался? У меня было много баб. Меня все хотели и хотят. И все были довольны и счастливы.

ЕВГЕНИЙ. А ты?

СЕРГЕЙ. Что - я?

ЕВГЕНИЙ. Ты был счастлив и доволен?

СЕРГЕЙ. И я был счастлив и доволен, естественный процесс, докопался! Жалко, поздно женился.

ЕВГЕНИЙ. В двадцать один?

СЕРГЕЙ. Надо было запрячься раньше ...

ЕВГЕНИЙ. А чего?

СЕРГЕЙ. Хороший левак укрепляет брак, понимаешь? *(Смеётся).* Меня заводят, радуют маленькие тайны от жены, заводят и заставляют жить. Кайф, кайф, если втайне бегаешь на сторону. Как будто я на войне разведчиком! Остренько так всё! Звонит Маша, а я громко: «Здравствуй, Саша!» Маша про любовь-морковь и про моё красивое тело, которое она хочет прижать к своей пышной груди сегодня же, а я серьёзенько ей этак говорю, на всю квартиру, чтоб на кухне жена слышала: «Хорошо, Александр, сегодня мой товарищ уезжает, буду на работе к одиннадцати тридцати, заезжай в это время, и мы обговорим все наши

дела».

ЕВГЕНИЙ. Много натурщиком работал?

СЕРГЕЙ. А то! Лет с двенадцати, поди, таскаюсь по мастерским. Главный заработок юности. У меня шило в заднице. Тяжко сидеть долго. Очень много, да, было. Меня любили, очень любили меня многие художники, любили ...

ЕВГЕНИЙ. Рисовать.

СЕРГЕЙ (*посмотрел Евгению в глаза, улыбнулся*). И рисовать тоже. И что тебя потянуло на эту гадость, а? Ну, ладно, давай, поговорим, как эти бабы на БАМе. Ну?

ЕВГЕНИЙ. Что?

СЕРГЕЙ. Задавай вопросы.

ЕВГЕНИЙ. Тебе хочется перетрахаться со всем белым светом, так?

СЕРГЕЙ. Так. Стремиться к этому нужно! Я не виноват: мне всё время хочется только этого и всё! Я вот даже в магазин зайду, иду, смотрю на продавщиц и вижу, что они голые стоят за прилавками, голые, все! То же в автобусе: едем, а я вижу, что все бабы, которые прижались ко мне, голые, как пупсики! (*Хихикает, картинно закрывает глаза руками.*) Ах, мне даже стыдно, я покраснел! Мы водку сейчас будем пить или после?

ЕВГЕНИЙ. А мы приехали водку пить? Ты работать собираешься? Иди купайся, нормалда развратная. Вода уже нагрелась, через полчаса дело пойдет к ночи, начнет остывать ...

СЕРГЕЙ. Правильно, охолодиться надо, надо куп-куп от таких разговоров. Ну, Жека, прощай, друг! Не поминай лихом. Чао! А-а-а-а-а!!!!

Заорал вдруг во всю глотку, разбежался и кинулся с берега. Высоко поднимая ноги, бежит по воде. Ойкает, бултыхается, как ребёнок в корыте.

Евгений всё так же лежит на земле, опершись на локоть, жуёт травинку, смотрит на Сергея, улыбается. Сказал негромко, будто самому себе:

ЕВГЕНИЙ. Будь осторожен, мальчик ... Тут – пиявки ...

Долго следит за купающимся Сергеем. Наконец, встал, легко и уверенно открыл этюдник, укрепил его ножки, вынул краски, палитру, кисти, поставил на этюдник грунтованный картон. Быстро делает набросок углём.

Всё так же тепло и всё так же поют птицы. Евгений рисует. Сергей бултыхается, кричит.

На берегу появился Старик с сумкой, он собирает пустые бутылки. У Старика седая, спутанная борода, он в сером длинном плаще. Старик встретился глазами с Евгением и Евгений приложил палец к губам: мол - тихо, ни звука, прочь. Старик быстро, понимающе кланяясь, исчез. Евгений улыбается, быстро работает.

Высоко по берегу прошли двое - парень с девушкой. Евгения они не видят, забрались в кусты, чего-то там шепчутся, хихикают. Евгений прислушался, хмыкнул, снова рисует.

Сергей бежит к берегу, всё так же высоко поднимая ноги, брызги радугой летят из-под его ног. Тело у Сергея покраснело, покрылось пупырышками.

Сергей бежит по берегу, что-то кричит орёт, мычит, машет руками, согревается.

СЕРГЕЙ (*поёт*). О налейте же мне водки! Наливайте наконец! А иначе, обещаю вам, наступает мне ... (*Хохочет*). Полторащечку, полторащечку, полторащечку!!! Ну, дай, дай согреться, надо, ну?!

ЕВГЕНИЙ (*рисует*). Нельзя. Надо заработать.

СЕРГЕЙ. Я простыну!

ЕВГЕНИЙ. Не простынешь. Возьми полотенце и потри себя хорошенько - это очень полезно, говорят, после холодного душа ...

СЕРГЕЙ. У меня нету полотенца. Дай мне водки!

ЕВГЕНИЙ. Возьми моё полотенце. Потришь. Ты молодой, у тебя много крови. Попрыгай, побегай, без водки согреешься ... Побегай, побегай! А то я знаю, потом всё превратится в пьянку ... Вот полотенце, на. *(Пауза)*. Что?

СЕРГЕЙ. Ты вообще всасываешь?

ЕВГЕНИЙ. Что? Оно чистое.

СЕРГЕЙ. Простой ты парень, Жека, без затей ... Ты что, а? Я брезгую, понимаешь? Брез-гу-ю. Я брезгливый ужасно. Не вник?

ЕВГЕНИЙ. Да оно из стирки. Почему, не понял?

СЕРГЕЙ. Да потому что потому! Пристал! *(Пауза)*. Это же твоё полотенце? Твоё. Надо соблюдать гигиену, если уж ты не понимаешь других слов ...

Пауза. Евгений смотрит на озеро, молчит.

ЕВГЕНИЙ. А, ну да, конечно. У меня же тубик, забыл.

СЕРГЕЙ. Да чё ты заобижался? Ну я брезгливый, я не могу и всё.

ЕВГЕНИЙ. Да нет, никто не обижается. Ясно. Правильно. Нормалды. Ты прав. Но мне, скажем, было бы, к примеру, приятно, если бы ты – ну, здоровый и сильный парень, ну, красивый очень такой парень - если бы ты вытерся моим полотенцем ...

СЕРГЕЙ. Всё, замяли, хорош. Простой, как грабли! Ему приятно. Туда-сюда-обратно тебе и мне приятно. Остань. Обсохну. Извращенец какой-то старый, ей-Богу! Женское бельё любит ... *(Хохочет)*.

ЕВГЕНИЙ. Ну, правильно, рассказал ему, он теперь всем растрепет ...

СЕРГЕЙ. Ой, да сильно мне надо про тебя с кем-то сплетничать ...

Делает какие-то физзарядочные упражнения.

У меня бутербродики есть, с колбаской, с огурчиками, с ветчинкой ... Вкусныииии! А?

ЕВГЕНИЙ. Водка будет к вечеру. Я сказал - точка.

СЕРГЕЙ. Жадина, говядина, солёный огурец, на полу валяется, долбаный конец!

ЕВГЕНИЙ. Можешь материть - не получишь. Надо работать. Мы чего приехали? Надо поймать его, этот день ... Ты видишь, что вокруг? Поймать, остановить ...

СЕРГЕЙ. Ага, поймать, остановить. Сильно надо. Ещё миллион таких будет. Не умеешь ты, Жека, наслаждаться прелестями жизни! От того и кашляешь, подохнешь, закопают тебя за оградой кладбища на четыре метра, чтоб не вонял!

ЕВГЕНИЙ *(у этюдника)*. Я сказал – не получишь. *(Пауза)*. Как же она так тебя собирала, что забыла полотенце положить. Бутерброды - не забыла ... Видно, очень любит тебя.

СЕРГЕЙ. Очень. Очень. Без-ум-но. Не завидуй. *(Хохочет.)*

ЕВГЕНИЙ. Одевайся, простынешь.

СЕРГЕЙ. Нетушки. Я так буду обсыхать. Спасибочки. Если я оденусь, то никто не увидит и не оценит мои изумительные новенькие плавочки в синий горошечек по белому полюшку! А мне позарез надо, чтобы их оценили.

ЕВГЕНИЙ. Я оценил.

СЕРГЕЙ. Ты не считаешь!

ЕВГЕНИЙ. Здесь больше никого нет.

СЕРГЕЙ. А вдруг появится?

ЕВГЕНИЙ. Никто не появится.

СЕРГЕЙ. А вдруг? Они выходят на берег и вдруг видят меня: красавца в плавочках! И поражаются всему сразу вместе, в комплексе: и мне, и этому прекрасному озеру, и тому, как я вписываюсь в эту великолепную картину!

Прыгает на одной ноге, приложив к уху ладонь, бормочет:

Мышка, мышка, вылей воду, на зеленую колоду! В детстве, когда купались, вода попадала в уши, надо было обязательно попрыгать, так вот приложить к уху ладонь и сказать: «Мышка, мышка, вылей воду, на зеленую колоду!»

ЕВГЕНИЙ. Зелёная колода. Бред.

СЕРГЕЙ *(хохочет)*. А вот не бред. Водички в моих ушках маленьких нет уже! А ты – зелёная колода, понял? Спасибо тебе, мышка!

Прыгает по берегу, веселится.

Евгений вдруг отложил кисть, вытер руки о платок, кашляет. Идёт на Сергея, широко расставив в стороны руки.

ЕВГЕНИЙ *(тихо)*. Я так и знал. Я так и знал ... Так и знал ... Иди ко мне, Серёжа ...

СЕРГЕЙ *(отступает к воде, машет ладонями)*. Хорошо, хорошо, Жека ... Спокуха, главное. Всё нормалды. Я знаю. Ты уже три раза хвалил мои плавочки. Ты без меня немножко принял, гляжу, да? Ну, нормалды. Белочка начинается? И меня хвалил, и моё красивое тело ... Не двигаться, Жека ... Тебя что-то другое заинтересовало, да? То, что в моих плавочках? Нет, Жека, вижу, ты не импотент, но и я, крендель, не по твоему вопросу, извини, стоп, стоп!

Евгений и Сергей дошли почти до воды. Евгений всё так же рукой показывает на бедро Сергея, а Сергей перепугано отступает в озеро.

ЕВГЕНИЙ. Не двигайся, кому сказал?! На ноге - две пиявки. Стой, ну? Их надо отрывать потихоньку, а то кровь потом не остановишь, не трогай их!

СЕРГЕЙ *(визжит)*. Где?! Где?! Эти?! Суки! Ай! Когда они успели?! Я пять минут был в воде! Ай! Суки! Ай!

Срывает с внутренней стороны бедра, присосавшихся почти в паху, двух пиявок. Вертится на месте, визжит.

Больно, больно, больно, суки-и-и-и-и-и!!

ЕВГЕНИЙ. Зачем ты их оторвал, идиотина?!

СЕРГЕЙ *(кричит)*. Отвали! Нельзя было в другое место поехать, сюда надо было, на этот сифилис притащить, чмо! А вдруг они заразу какую в меня внесли, инфекцию, а?! Фу, говно какое, гадость, мерзость, пиявки, гадость,

ёкарный, фу, фу, фу!!!! Зараза, говно, говно, кровь идёт, кровь теперь хлещет!

Прыгает и вертится, хнычет, как ребенок.

ЕВГЕНИЙ. Надо остановить кровь ...

СЕРГЕЙ. Есть у тебя одеколон? Дай! Нет, водки, водки, дай, надо прижечь это место, потереть, всё пройдет! Дай, ну?!

ЕВГЕНИЙ. Не поможет. Теперь час или два будет бежать кровь.

СЕРГЕЙ. Мама, мамочка моя, я боюсь, боюсь! Гадость какая, фу, фу, фу! Мне на электричку надо срочно, в больницу, срочно, срочно ...

ЕВГЕНИЙ. Электричку ждать полтора часа. Ну, что ты, как баба, разнылся?

СЕРГЕЙ. Ага, баба! Тебе бы так! Ну, смотри, смотри, как хлещет?! Господи, какой ужас, как страшно, как я боюсь, Господи!

Сергей ладонями растирает кровь по ногам, пачкает руки, живот, плечи, лицо в крови. Рыдает.

Я от запаха крови падаю в обморок! Я не могу дышать! Я с детства боюсь! Я не привык, я не могу! Мне плохо! Я умру сейчас. Ну, помоги мне ты, жопа?! Помоги мне! Ну, дай водки скорее, поможет, прижечь надо, ну, дай, дай?!

ЕВГЕНИЙ. Я говорю: не поможет. У меня уже было такое. Бесполезно. Не поможет. Они кусали меня уже. Не поможет!

СЕРГЕЙ. Блядь, ну что ты встал, как истукан, помоги хоть чем-нибудь тогда, хоть чем-нибудь помоги тогда, ты видишь, что я умираю или нет?! Стоит, блин! Помоги, ну?!

Плачет, размазывает слезы и кровь.

Господи, сколько кровищи ... Она фонтаном просто хлещет, струей ... Я никогда столько крови не видел ... Господи, ужас какой ... Я боюсь, мне страшно, я умираю ... Мамочка! Вот этот, лопух, что ли, надо к ранке, нет, подорожник он называется, надо приложить к ранке, где он, он какой?! Я забыл, какой он, подорожник, ну?!

Рвет с корнями пучки травы, мажется в земле. Прикладывает траву к бедру, рыдает.

Дай мне какой-нибудь платок, тряпку какую-нибудь, быстро! Полотенце своё сифилитичное давай! Давай, давай быстрее!!!

Хватает полотенце, бинтует ногу, продолжает причитать:

Ой, мама, я сейчас блевать буду, меня тошнит, у меня голова кружится, я не могу ... Я умираю от запаха крови, мне плохо ... Блевать, блевать сейчас буду, меня выворачивает, не могу ...

ЕВГЕНИЙ. Всё, не истерикуй. Я могу остановить кровь.

СЕРГЕЙ. Ну что телишься тогда?! Что как в штаны наклал?!

ЕВГЕНИЙ. Ты брезгливый.

СЕРГЕЙ. Ну что, что надо делать, говори? Коровью говёшку жевать?! Ну помоги, помоги скорее, что ты как оглоблю проглотил, стоишь тут?!

ЕВГЕНИЙ. Можно остановить кровь ртом.

СЕРГЕЙ. Я не балерина, я не достану до бедра! Сука, сколько кровищи, все лопухи-подорожники набухли, отваливаются...

Развязывает полотенце, выпачканное в зелёной траве, в крови, в земле. Откидывает его в сторону, с ужасом смотрит на бегущую из раны кровь.

ЕВГЕНИЙ. Я должен своим ртом остановить кровь. Я умею. Я должен своим ртом остановить твою кровь. Я должен высосать кровь из твоей ранки и тогда она перестанет бежать.

СЕРГЕЙ. Кровь? Из раны? Кровь? Ртом?

ЕВГЕНИЙ. Хочешь?

СЕРГЕЙ. Это поможет? Нет, точно? Тебе не противно будет?

ЕВГЕНИЙ. Это поможет. Мне не противно будет. Ладно, всё. Как в том анекдоте: будете жить, молодой человек. Ложись, ну? Я сделаю. На спину ложись. Быстро!

Сергей лёг на спину на траву. Лежит, приподнимая голову, с испугом следит за тем, что делает Евгений.

Не дави косяка. Ничего плохого я тебе не сделаю. Через минуту кровь остановится, лежи спокойно. Не бойся ... Расслабься ...

Евгений встал на колени перед лежащим на земле Сергеем, очистил рукой ранку от земли. Медленно нагнулся губами к ранке.

ТИШИНА. МОЛЧАНИЕ.

Евгений пьёт кровь. Сергей не двигается.

Наконец, Евгений поднимает голову, смотрит в глаза Сергею, встаёт.

Пошёл к озеру, встал на камень и вдруг начал хохотать. Эхо запрыгало по камням, над озером, по лесу и унеслось к небу. Евгений просмеялся, повернулся к Сергею, подошёл, пощекотал его, крикнул:

Ну чего развалился-то? Сеанс окончен! Подъём!

Хохочет и хохочет, не может никак остановиться. Вдруг начал раздеваться - снимает с себя рубашку, брюки, откидывает их далеко в сторону, помахав ими над головой, будто знаменем.

Прекрасно! Буду загорать! Товарища я спас от смерти, долг свой выполнил и потому я могу позагорать! Послушайте, друзья мои? А ведь действительно - лето! Откуда? Ещё вчера был дождь, сыпались с деревьев листья, а сегодня - посмотри в окно! Под голубыми небесами! Великолепными коврами! Блестя на солнце! Снег лежит! Какая красота! Какая красотища! Над вечным покоем! Как хорошо тут, Господи, Боже ты мой! Как хорошо!

Кричит во всю глотку:

Э-э-э-э-э!

Он снова вспрыгнул на камень, широко расставил ноги, поднял голову к солнцу, подставляет плечи лучам. Закрыв глаза и хохочет, хохочет, хохочет ...

Сергей приподнял голову с земли, опирается на локти. Смотрит на ранку, из которой только что хлестала кровь.

СЕРГЕЙ. Прошло, что ли?.. Прошло ... Не бежит ... Надо же ... Неужто прошло, а?

ЕВГЕНИЙ. Ты хотел водки? Хотел есть? Доставай! В сумке, в чёрной! Вот, в этой в большой - всё есть! Ешь, пей, веселись, гуляй рванина – можно! Ты - заработал! Ты меня страшно развеселил! (*Хохочет.*)

СЕРГЕЙ (*кашлянул, неуверенно*). А мне можно встать? Не побежит снова, нет?

ЕВГЕНИЙ. Будь спок – проверено: мин нету! Теперь - уже не побежит! (*Хохочет, изображая пионерский горн.*) Ту-ту-ту! Ту-ту-ту! Мы пи, мы пи, мы пионеры с юга! Насра, насра, нас рано подняли! Не торопись, пись, пись! Приободришь, дришь, дришь! ...

СЕРГЕЙ. Чё это тебе так смешно стало? Ну я что, виноват, раз крови боюсь? Смешно было? Смешно? А мне нет ...

Встал, трёт плечи ладонями. Евгений - у этюдника, быстро рисует.

ЕВГЕНИЙ. Ну что ты такое говоришь, Сергуня! Серый, серый, полосатый, он всё бегаёт с лопатой! *(Хохочет)*. Знаешь такие стихи? Только что сочинил для тебя! Ешь и пей. Ешь моё, если не брезгуешь. Очень всё вкусное. На шару-то – вкусно всегда, правда? *(Хохочет)*. Там в термосе - чай. Нет, тебе чай не надо, надо водки хлебнуть ... Меня не жена собирала и потому там даже конфеты есть! «Вырви Глаз» называется! *(Умирает, так смеётся)*.

Сергей пошёл к воде, вернулся.

О, если бы ты мог себя увидеть сзади! По-русски называется: ваши плавки попа съела!

СЕРГЕЙ. Чё-то меня знобит. Мне хреноваستنенько чё-то. Надо одеться ... И что я, как пацан, не слежу за своим здоровьем, правда ... Простужусь и буду потом валяться три недели ... И с чего это я надумал купаться, турок ... Не заболеть бы ...

Стучит зубами от холода. Медленно натягивает на себя рубашку, брюки, носки.

ЕВГЕНИЙ. Ну, вот! Молодой, сильный, красивый парень, искупался три минуты – расклеился, замёрз, холодно! Не понимаю! Ну, посмотри, какое солнце, какое небо, теплынь какая! Бабье лето вокруг, красота! Выпей водки, согрейся, и сразу всё станет другого цвета, радуга появится сразу на небе, выпей, ну? Ты ведь так хотел выпить?

СЕРГЕЙ. Может, правда ...

Залез в сумку, достал бутылку, стакан, выпил водки, сморщился. Сидит на земле, трясётся от холода, что-то лениво ест.

Меня знобит, холодно ...

Кашляет долго и хрипло.

Водка злая какая-то, говно ... Не водка, а купорос ...

ЕВГЕНИЙ *(быстро рисует)*. На ранку можешь не смотреть и не беспокоиться совершенно - полный порядок. Ну, крохотная болячка на недельку останется и всё.

СЕРГЕЙ *(снова долго кашляет)*. Какие-то слова у тебя, крендель всегда – пиявка, болячка, конский волос ...

ЕВГЕНИЙ. Болячка - это такая корочка, корочка на маленькой ранке, корочка отвалится и заживет всё. *(Смеётся)*. Ну, может быть, крохотненький шрамик останется - это не испортит твою чудную фигуру! Пей! Красные гуляют!

СЕРГЕЙ *(жует помидор, сок течёт по подбородку)*. Почему они накнулись на меня? Эти змеюги. Которые в воде. Пиявки твои. Почему накнулись? Ты ж говорил, они пьют только порченую кровь? Значит, у меня порченная кровь?

ЕВГЕНИЙ *(смеётся, рисует)*. Да я стебался! У тебя хорошая кровь, спокуха. Нет, у тебя прекрасная кровь. Красная, прекрасная кровь. Изумительная кровь. Замечательная кровь. Может, сейчас не сезон, никто не купается, вот они и оголодали. А тут вдруг влезаешь ты в их сонное царство, с кровью! Они: ух, поедим, покусам, пожуюм, понямнямкам ... И начали свое грязное дело ...

Хохочет.

СЕРГЕЙ. Слушай, а чё ты всё ржёшь?

ЕВГЕНИЙ. Мне в рот попала смешинка! (*Быстро рисует*). Ты ещё не открывал этюдника. Всё? Пропел гудок заводской?

СЕРГЕЙ. Надо. Что ж я сюда, купаться приехал, что ли ...

Раскрыл этюдник, достал краски, палитру, кисти, поставил на этюдник грунтованный картон. Евгений что-то мурлыкает, рисует.

Сергей пару раз мазнул углём по картону. Смотрит на Евгения.

Никакие у тебя не солдатские, заливал. У тебя, оказывается, очень красивые плавки ... Модные. Даже у меня таких нет, такого фасона ...

ЕВГЕНИЙ. Правда?

СЕРГЕЙ. Правда.

ЕВГЕНИЙ. Нравятся?

СЕРГЕЙ. Очень.

ЕВГЕНИЙ. По-моему, обыкновенные.

СЕРГЕЙ. Оказывается, у тебя очень красивое тело. Чё ты стариком-то прикидываешься?

ЕВГЕНИЙ. Правда?

СЕРГЕЙ. Кривда. Никогда бы не подумал, что у тебя такое тело.

ЕВГЕНИЙ. Правда? (*Хохочет, быстро рисует.*)

СЕРГЕЙ. Очень странно мне видеть твое тело ... Странно. Как у мальчишки – у тебя тело ... Зачем ты носишь мешковатую одежду?

ЕВГЕНИЙ. Правда? В молодости я тоже очень много и очень часто работал натурщиком, меня любили. Рисовать. (*Смеётся*).

СЕРГЕЙ (*молчит, кашляет*). Впрочем, я пошутил. Всё, что я говорю всегда - нужно делить на тридцать три. Не верь мне.

Рисует. Молчат.

Может быть, мне выпить немного ещё, как ты думаешь?

ЕВГЕНИЙ. Бабка у меня говорила: пей всю, я ещё нассю!

СЕРГЕЙ. Ты - не будешь?

ЕВГЕНИЙ. Нет.

СЕРГЕЙ. Зачем ты покупал водку, если сам не пьёшь?

ЕВГЕНИЙ. Для тебя покупал. Я знал, что ты захочешь выпить. Ну и что, это же нормально. Все мужики пьют. Ешь, не стесняйся, твоя жена не накормит тебя так вкусно, как я! Я очень хорошо умею готовить! Ешь! Там – витаминчики, полезные для крови. Для кровообращения. Ведь ты сегодня потерял много крови ... (*Смеётся*). Надо восстанавливаться.

Работает. Молчат. Сергей ест. Выпил водки. Снова подошёл к этюднику. Немного порисовал. Встал, пошёл к этюднику Евгения, встал за его спиной, смотрит, молчит.

СЕРГЕЙ. Мы с тобой смотрим с одной точки на одно и тоже, а получаются совсем разные вещи ... А один и тот же объект. Почему-то я вижу совсем другое ... Пейзаж странный какой-то у тебя, по-моему, это полная ерунда ... Вот, скажем, этого - там нет. Ты же видишь, что нет? Зачем ты это придумал? И этого - тоже нет. Откуда ты это взял? Зачем? Зачем придумывать ненужное? И этого ...

И этого ...

ЕВГЕНИЙ (*смеётся, быстро рисует*). Плевать. Ты ведь знаешь, что я всегда был, есть и буду очень средним художником. Так себе, что-то малюю. Для того только, чтоб с голоду не помереть ... Вот ты – талантище, это все говорят, не я один, к тому же молодой, всё впереди. Я вообще прокакал жизнь свою.

СЕРГЕЙ. Ты совсем ещё не старик.

ЕВГЕНИЙ. Нет. Очень быстро становлюсь старым. Стариком.

СЕРГЕЙ. Не напрашивайся на комплименты. Терпеть не могу, когда кто-то начинает прибедняться, строить из себя овечку несчастную. Не напрашивайся. Не буду. Ты ведь без меня знаешь, какой ты художник ... (*Долго и сильно кашляет*). Слушай, я себя так отвратно чувствую ... Голова и всё такое ... Может, я этой воды наглотался? Она, может, отравленная какая-нибудь? Тут ведь где-то атомная станция? Может, выброс какой был, нет? Перекупался? Или на солнышке, наоборот, перегрелся? Не надо было мне лезть в воду ... Напрасно я тебя не послушал ... Херовастенько что-то мне сейчас. Хе-ро-вас-тень-ко.

ЕВГЕНИЙ (*смеётся*). Какой выброс? Ты как бабка. Ну, что за разговоры?! Молодой парень, заныл! Прекрати! Стыдно! Скоро всё пройдет! Тебе надо немного полежать, хорошенечко отдохнуть, съесть витаминчиков! Как можно больше нужно есть витаминчиков, обязательно витаминчиков, это полезно для крови, а кровь - это всё, она идет через сердце, толкает его и оно стучит, стучит, стучит ... Выпей ещё водки! Водка разгоняет застоявшуюся кровь! Я прошу - выпей! Слушайся меня, я ведь старше и умнее тебя! Господи, как тут хорошо, как тут красиво! Господи, твоя воля, как хорошо мне почему-то стало!!!

Отложил кисть, пошёл к берегу озера, сунул руки под мышки, смотрит на горизонт.

Как хорошо ... Если бы я мог писать стихи, я бы обязательно нашёл слова, чтобы описать этот день, эту зелёную заводь, нет, озерцо это, тишину, солнце, горизонт, покой, какой-то немыслимый покой, который разлит, плавает вокруг, он спустился вниз из этих белых кудрявых облаков, спустился на землю от Бога, от Бога, от Бога ... От Бога и звёзд пришедший покой. От Бога и звёзд пришедший покой несёт мне тяжелую муку ... Пришлось мне, любимый, расстаться с тобой, пожать на прощание руку ... Какие-то женские стихи получились ... Господи, это что со мной? Какие-то строчки выскочили из меня, нет, это не я сочинил, наверное ... У кого-то я это прочёл ... Нет. Ни у кого не читал, это я сочинил. Странно. Это называется, поди-ка, благодать. Благодать сошла с неба такая, что я даже начал сочинять стихи ... Не знал за собой таких талантов ... (*Бормочет*). От Бога и Звёзд сошедший покой, приносит тяжелую муку. Сегодня, любимый, расстанусь с тобой, пожму на прощание руку ... (*Молчит.*) Впрочем - пустое. Когда я не могу заснуть, я думаю о чем-то приятном. Вот, представляю себе, что я некий аквалангист, что я плыву под водой, под толстым слоем воды, раздвигаю руками тяжелые густые стебли каких-то зелёных, подводных растений, смотрю на глазастых глупых рыб в серебряной чешуе, на разноцветные - всех цветов радуги! – ракушки, на мидий, на морских забавных коньков, на кораллы - хрупкие, красные, жёлтые, синие веточки ... И вот я приближаю к кораллам своё лицо в маске, рассматриваю их и любуюсь этой красотой, созданной непонятно кем и неизвестно зачем, а потом плыву дальше, взмахивая ластами, гибкими, скользкими зелеными ластами, плыву дальше и дальше ... Я освещаю фонариком этот странный, красивый, непонятный мир, скрытый от глаз людских, недоступный для понимания людей,

и этот покой, покой освещаю я фонариком, покой, скрытый от Бога и от звёзд, от звёзд, от звёзд ... И так в моей душе становится легко, что я сразу мирно и сладко засыпаю, представляя, что, вот, я плыву и плыву по этой красотище, в этой чудной стране ...

СЕРГЕЙ. Но тут из-за камня, извиваясь, выплывает огромная толстая красная пиявка, конский волос, огромный такой червь, гад, который вонзается в твое тело и начинает жрать тебя, высасывает из тебя кровь ...

МОЛЧАНИЕ.

Евгений повернулся, смотрит в глаза Сергею, молчит.

ЕВГЕНИЙ. Ты чего?

СЕРГЕЙ. А ты чего разизображался тут передо мной, стоит. Ну?

ЕВГЕНИЙ. Как ты напугал меня ...

СЕРГЕЙ *(молчит)*. У тебя в уголках рта засохла кровь. *(Пауза)*. Я говорю, в уголках твоего рта засохла моя кровь. Вытри.

ЕВГЕНИЙ. Кровь? Кровь. Кровь. Да, да ...

Вытер рот платком. Снова вернулся к этюднику. Очень быстро рисует. Молчат.

Кстати, о бабах.

СЕРГЕЙ. Кстати?

ЕВГЕНИЙ. Ну, совсем не кстати. Я как бы продолжаю разговор, наши темы, которые мы с тобой сегодня муссируем. *(Хохочет)*. И так, кстати, о бабах. В кустах недалеко от нас - трахаются. Слышишь - ветки трещат?

СЕРГЕЙ. Мне всё равно.

ЕВГЕНИЙ. Да нет, мне тоже всё равно. Пусть позабавятся. Может, у них квартиры нету своей, они выезжают каждый день на лоно природы, а может - это их возбуждает: романтично, в кустах, с комарами на заднице, поелозиться по травке - какая прелесть! *(Смеётся)*.

СЕРГЕЙ. Слушай, какой ты пошляк всё-таки, а? Мне скучно стало.

ЕВГЕНИЙ. А девочку эту, которая там в кустах, я видел. Они здесь проходили мимо, когда ты купался. У девочки - зажигательные ножки. Тонюсенькие, как спичинки! Зажигательные!

Хохочет, быстро рисует.

Мне вдруг немыслимо, невероятно захотелось! Это что ж такое? У меня уже триста лет не было таких мыслей! Я вдруг - хочу, хочу, хочу, хочу!!!

СЕРГЕЙ. Как холодно стало. *(Кашляет)*. Расскажи что-нибудь весёлое.

Оба стоят у этюдников, работают.

ЕВГЕНИЙ. Прекрасная мысль! Весёлое! Расскажу тебе одну быль! Захожу это я вчера в трамвай и следом за мной тетка, с сыном, держит его за руку. А пацан в зимней шапке. И орёт она на него, на весь трамвай, что он и идиот, и дебил, и свинья, и кретин! Ну, люди ей: «Да что же вы, женщина, так на сына-то своего? Нельзя!» А она им говорит: «Да его вообще убить надо! Я на работу ушла, прихожу, а он, оказывается, в космонавта играл! Смотрите!» Снимает с него шапку ... а там ... а там ...

Не может говорить, хохочет, заливается.

А там ... *(Быстро рисует)*. На голове там у пацана у этого ... кастрюля! Едут к

врачу, чтобы распилить кастрюлю, потому что снять не могут! В космонавта играл, представляешь? Быль! Сам вчера в трамвае видел! Как весь трамвай хохотал - если бы ты только слышал!

МОЛЧАНИЕ. Сергей ковыряет травинкой в зубах.

СЕРГЕЙ. Тепло на улице, а он в шапке.

ЕВГЕНИЙ. Действительно. Да. Летом и в шапке. А почему? Ну, знаешь, у него была такая матерчатая шапочка на голове, кажется ...

СЕРГЕЙ. Этому анекдоту про кастрюлю - завтра исполняется сто сорок лет. Анекдот-то сильно бородатый.

ЕВГЕНИЙ. Правда? Не может быть.

СЕРГЕЙ. Может быть. Очень даже может быть. И совсем-совсем не смешно. К вечеру ты вдруг потерял чувство юмора. Ты разве не слышишь, что это не смешно, а глупо? Нет? Не слышишь?

ЕВГЕНИЙ *(молчит)*. Ну. Я думал, что ты будешь смеяться.

СЕРГЕЙ. Ты думал так потому, что я всегда смеюсь над дебильными анекдотами и идиотскими рассказами. То есть, ты хочешь сказать, что я - дебил и у меня нет чувства юмора. Да?

ЕВГЕНИЙ. По-моему, ты намахнул лишку. Остынь.

СЕРГЕЙ. Ты не помнишь, куда я их откинул?

ЕВГЕНИЙ. Кого?

СЕРГЕЙ. Этих тварей. Пиявок. Я их куда-то сюда бросил, к этим камешкам ...

Встал, быстро ищет на земле, у камней.

ЕВГЕНИЙ. А зачем? Всё никак не можешь забыть эту историю? Да брось. Сам говоришь, у тебя прекрасное чувство юмора. Ну, посмейся над этим - смешно. И что ты так серьёзно всё воспринимаешь? Не ищи. Они давно уже влезли в землю, а оттуда в воду перебрались. Тут ведь недалеко и сейчас они уже где-то резвятся, сытые и довольные. Наверное, ищут новую добычу...

Хочет, рисует.

СЕРГЕЙ. Всё-то ты знаешь, а? Юный натуралист, мля. Нет. Они не уползли в воду. Вот они обе лежат, рядышком. Рядком. Вытянулись, как спички. Сдохли. *(Смеётся)*. Что, девушки, поплохело вам? А?

ЕВГЕНИЙ. Они лежали на солнце, вот и окоchuрились. Раз они водяные твари.

СЕРГЕЙ. Нет. Они не перегрелись на солнышке. Они просто напросто сдохли. От моей крови сдохли. Лежат крендельками.

ЕВГЕНИЙ. Да, да. Конечно! Они сдохли от твоей крови! *(Смеётся)*. Это очень красивый образ: порченная кровь. Но это неправда. Я занимался медициной и знаю. Ни у кого нет порченной крови. Человеческая кровь прекрасна и она прекрасна у всех. Если бы у кого-то, у какого-то человека была бы дурная кровь, то этот человек не прожил бы на свете и секунды, сам понимаешь ... Потому как кровь должна бегать по жилкам, заставлять сердце стучать быстро и легко, она должна выполнять свои функции, то, что ей предназначено Богом ... Она должна делать то, что должна. У тебя сильное красивое тело, прекрасные черты лица, великолепные руки и, как ты говоришь - всё остальное не менее замечательно и всё это очень хорошо работает. А значит - о, я читаю лекцию, я

разошёлся ни на шутку! - так вот, а это значит, что у тебя совершенно нормальная кровь. Никакая она не порченная. Не обращай внимания на этих двухдохлых пиявок-дурак. А то ты сейчас впадёшь в депресняк, как творческая натура. Нет, я тебе даже больше скажу, может быть, тебя это обрадует! Ты ведь говоришь, что тебе нравится, когда всё твоё хвалят, так вот - я скажу тебе, Серый, что у тебя не просто нормальная кровь, а изумительная, восхитительная, исключительная кровь! И я, вампир, сегодня пробовал её на вкус! Невероятно вкусная, молодая, горячая, красная-прекрасная кровь!

Хохочет, быстро рисует.

Сергей выпрямился, смотрит на Евгения. Улыбается, раздавил пиявок ботинком.

СЕРГЕЙ (*весело*). Как хорошо. Они. Сдохли. От моей крови.

Подошел к этюднику Евгения, встал сзади, смотрит долго и внимательно. Евгений повернулся.

ЕВГЕНИЙ. Что? Тебе по-прежнему плохо? Ты ещё не отошёл?

СЕРГЕЙ. Отходят на тот свет. Мне - лучше. Гораздо лучше ...

Смотрит на картину Евгения.

Потряс. Что-то невероятное.

ЕВГЕНИЙ. Что?

СЕРГЕЙ. Не трогай больше ничего. Прошу тебя - всё. Оставь так, как есть. Я прошу тебя. Ты и так прыгнул выше своей головы, крендель, оставь. Прошу тебя.

Евгений смотрит на Сергея. Встал рядом с ним, смотрит на картину, как на что-то, ему не принадлежащее, словно пытается глазами Сергея увидеть сделанное им. То на Сергея посмотрит, то на картину. Пожал плечами. Долго молчат. Евгений начал натягивать рубашку.

ЕВГЕНИЙ. Спасибо. Очень вежливый ты человек.

СЕРГЕЙ. Спасибо. Я очень вежливый человек.

ЕВГЕНИЙ. От воды холодком каким-то нехорошим потянуло, нет? Тебе не кажется? Становится прохладновато ... Вечер близко. Ещё два-три мазка и - готово. Потом сяду и съем чего-нибудь, я проголодался...

Идёт к этюднику, чтобы рисовать, но Сергей вдруг развёл руки в стороны, не пускает Евгения к картине, тихо и яростно:

СЕРГЕЙ. Не лезь, мля, крендель, я тебе сказал - не лезь ... Ты всегда всё перебарщиваешь, всегда, всегда! Не надо этих трёх мазков уже, понял?! Когда надо остановиться, задуматься, ничего не трогать, в этот самый момент ты лезешь снова и снова на холст и что-то топчешь там, не лезь, не лезь! Надо намёк, оставить тайну, закрытый полог, не надо его сдёргивать, этот тюль, эту белую ажурную шёлковую ткань, сквозь которую что-то просвечивает, не надо, не надо ... Ты всё стараешься сделать для дураков! Не лезь!

Евгений хмыкнул, пожал плечами, начал надевать брюки. Снова кашляет.

ЕВГЕНИЙ. Какой ты стал пьяный ... Не подражаться бы нам ... А кажется, так немного выпил ... Из-за чего ты нервничаешь? Из-за какой-то картинки? Брось, глупости, нашёл Рембрандта, Микельанджело.

Достал папиросы, закурил, кашляет.

Да, точно - дело пошло к вечеру ... Смотри-ка: папиросы отсырели. А ведь полежали на травке всего-то ничего ... Жалко. Жалко. Что-то я не так ... Я вдруг начал расклеиваться, к вечеру. Так всегда ... Снова, снова ... Кашель чёртов ...

Сергей стоит у картины, смотрит на неё.

СЕРГЕЙ. Ты не понимаешь ... Ты никогда не поймёшь того, что тебе, наверное, из космоса транслируют, а ты только успеваешь делать то, что тебе приказывают, потому что в нормальной голове, в человеческой голове такое не родится никогда, никогда. Как я ненавижу тебя, мерзавец старый, педриломученик ... Как ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу!!!

На другом берегу озера аукают заблудившиеся грибники. Евгений оделся, обулся.

ЕВГЕНИЙ. Какой ты стал пьяный ... Молодой, а такой слабенький ... Я вот тоже – слабенький ... Старенький, слабенький. Я ослаб от своей старости, а ты ослабеваешь от своей молодости ... Да. Какая глубокая и глупая мысль. Изречение ... Что-то мне плохо стало вдруг совсем, не нормалды, как ты говоришь ... Помру ещё тут ...

Сергей смотрит на картину.

СЕРГЕЙ. Можешь умирать ...

ЕВГЕНИЙ (*хрипло смеется, кашляет*). Так оно сейчас и будет ... лягу вот и откину копыта ... (*Снова закурил*). Шутки шутками, но я что-то так серьёзно ... (*Затушил папиросу*). Чёрт, курить не могу ... Я прилягу на немного, получше станет, может, ага?

Ложится спиной на траву, тяжело дышит, хрипит.

СЕРГЕЙ (*кинулся к Евгению, встал возле него на коленки*). Ты чего? Ты серьёзно? Что? Плохо? Ты чёрный стал ... Тебе правда плохо? Что? Не шути давай ...

ЕВГЕНИЙ (*корчится от боли*). Я отравился ... Я отравился, траванулся ...

СЕРГЕЙ. Чем ты отравился? Ты ничего сегодня не ел здесь ... Ты не мог отравиться ... Ты не мог!

ЕВГЕНИЙ (*стонет*). Я отравился ... Твоя кровь ... Я отравился ... Я отравился ...

СЕРГЕЙ (*испуганно*). Не мели, не мели языком, не мели, что попало ... Какой кровью, какой кровью ты отравился?! Что несёшь, боярин?! Не ври, не ври! Заткнись! Моей кровью он отравился! У меня прекрасная кровь! Заткнись! У меня нормальная кровь! Кровь остановилась от того, что я приложил к ранке подорожник, вот и всё, всё! При чём здесь ты, ты здесь не при чём ...

Евгений от боли катается по траве, стонет, хрипит.

ЕВГЕНИЙ. Я умру сейчас ... Я умираю ... Что-то страшное на меня надвигается ... Господи, что-то чёрное ... Я задыхаюсь ... Я умираю ... Помогите мне ...

СЕРГЕЙ. Стой, постой, Женечка, стой немного, чуточку только, электричка не скоро, надо подождать, стой ... Пешком до города пилить да пилить, я не унесу тебя на себе ... погоди, полежи немного, а потом встанешь! Мы потихоньку пойдём, пойдём, дойдёшь, ты дойдёшь, потерпи ...

ЕВГЕНИЙ. Твоя кровь ...

Евгений вдруг вскочил. Прижимая руки к животу, кинулся в воду. Идёт по воде, кричит от боли, брызги летят в стороны.

Сергей на берегу, перепугано прыгает по камням, но в воду не идёт.

СЕРГЕЙ. Ты что, ты что ... Стой, ты куда?! Куда ты, ну?! Стой!

МОЛЧАНИЕ.

Ещё долго раздаётся бултыхание, стоны, крики, трещат ветки тальника.

ТИШИНА. Евгений исчез.

Сергей стоит на берегу. Не двигается. Сел на землю, прижал колени к подбородку. Качается из стороны в сторону, молчит, оглядывается, дрожит от холода, шепчет:

Идиот долбаный ... Он – идиот ... Он что - утонул, что ли? Он где? Он куда делся? Идиот, блин ... Крендель, блин ...

Озирается.

Он утонул ... *(Смеётся)*. Его - пиявки съели!

Молчит.

Господи, мне это всё приснилось ... Кто бы меня сейчас ущипнул ... Идиот ... *(Шепчет)*. Помогите! Помогите! Помогите! Человек тонет!

Молчание. Сергей сбросил с себя одежду. Снова оделся.

Я плавать не умею ... Куда я собрался ... Поздно уже ... Он не утонул ... Он в город пошёл ... Он по берегу, по берегу и пошёл ... Ну да, конечно! Чего ему тонуть? С чего ему тонуть? Своей дорогой пошёл ... Он знает её ...

Быстро собрал вещи, сложил этюдник.

Говорит: кровь, блин ... Говорит: кровь, блин ... Идиот ...

Рванул вверх на бугор, ушёл очень легко и быстро.

На берегу стоит этюдник Евгения.

На нём - картина.

Темнеет.

Последний лучик солнца упал на картину и, попрыгав на ней, чуть осветил её.

На берегу появился Старик. Посмотрел на озеро, потом вверх на бугор. Ветер шевелит седую бороду Старика.

Старик посмотрел на картину. Подобрал пустую бутылку, сунул её себе в сумку.

Смотрит на озеро.

Вечер.

С озера на берег вдруг пошёл густой, белый, молочный туман.

Темнота

Занавес

Конец

август 2002 года
с.Логиново